

Илья Ильф — слева, Евгений Петров — справа

учат. Я обалдел и обрадовался: «Как интересно, замечательно, ну-ну-ну!» — «Не могли бы вы к нам приехать, встретиться?» «Почему бы и нет?» — говорю. «Когда вы в следующий раз на гастроли приедете?» «Когда позовете», — отвечаю. «Вот позвать-то мы не можем...» — «Так что же у вас за семинар?» — «Ну у нас бывает человека три-четыре...» — «А сколько лет семинар существует?» «Двадцать», — говорят.

В общем, с такими темпами Ильф и Петров популярны на Западе не будут никогда. Мы должны оставить их себе.

— Но давайте при этом все же попробуем отделить одного от другого...

— Мне совершенно ясно, что Ильф — человек, который умел шутить, лирично грустить, быть прекрасно закрытым, как истинный артист, который не собственные неприятности вываливает на публику и не собственную язвительность, а несовершенство мира, себя оставляя в тени.

Кстати, так он и умер. Тихо. От мучительной болезни, на которую никогда не пожаловался, и поэтому она не осталась в публичных стенаниях. Он просто умер. Был бы арестован — а, наверное, это бы после войны обязательно случилось! — тогда бы у него появилась биография.

А так он великий писатель без биографии...

— Но с незаурядной посмертной судьбой. Если уж до сих пор находятся непроходимо серьезные граждане, которые норовят его сбросить с нашего «Адмирала Нахимова»...

— Но именно — с нашего! Он целиком наш, подобно многим замечательным — и даже гениальным — авторам, которые по разным причинам оказываются только нашими. Не надо страдать по этому поводу. Каждая нация имеет своих истинных героев, загадочных для других наций. И один из таких наших героев — Ильф.

— А второй — Евгений Петров?

— Но есть и еще несколько. Помимо Ильфа-И-Петрова.

— Сергей Юрьевич, давайте продолжим эту тему, не дожидаясь очередного столетия кого-то из «только наших великих»!

— Согласен.

— Спасибо. И — ловлю вас на слове.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Ваша любимая фраза из Ильфа?

ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ:

«Путаясь в соплях, вошел мальчик».

ЮЛИЙ КИМ:

«Грузите апельсины бочками».

А в юности очень нравилось:

«Почем опиум для народа?»

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР:

У Ильфа я многое люблю... Например, фразу, которая звучит примерно так: «Из боязни подхалимажа был груб с начальством».

ЮРИЙ В. ДАВИДОВ:

«Дождь дробил лысину».

ИГОРЬ ХОЛИН:

«— Бога нет!

— А сыр есть? — грустно спросил учитель».

РОЛАН БЫКОВ:

«— Я как член МОПР получаю молоко

в спецбуфете.

— Вы член МОПР?

— Нет, я просто получаю

молоко в спецбуфете».

По-моему, очень современно звучит. И еще:

«Водки не хватит!»

ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ:

«Он посмотрел на него, как царь на еврея.

Вы представляете себе,

как русский царь может

смотреть на еврея?»

И, конечно, это:

«Смешное предложение

надо хохлить и лелеять,

ласково поглаживая

по подлежащему».

АКРАМ МУРТАЗАЕВ:

«Ему не нужна была вечная иглолка для примуса. Он не собирался жить вечно».

И очень люблю:

«Вы, Шура, пишите!»

ДМИТРИЙ МУРАТОВ:

«Не курил 12 лет,

и все это время ему

хотелось курить».

Все отвечавшие мгновенно, не пользуясь справочной литературой.

В этом воздухе он был кислородом

Для установления ранга и положения любого ученого очень важен «индекс цитирования». Чем больше цитат из его трудов упомянуто в печати, тем выше его научный уровень.

Я это к тому, что в нынешней печати наивысший «индекс цитирования», несомненно, у писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Вот сегодня, когда я пишу эти строки, в полученных мной утренних газетах четырежды приведены бонмо из «Золотого тельника» и пять раз упомянут герой знаменитой дилогии Остап Ибрагимович Бендер.

Отнюдь не утверждаю, что Ильф и Петров были лучшими писателями 20—30-х годов нашего века. И дело даже не в том, что «Двенадцать стульев» и «Золотой тельнок» написаны лихо и очень смешно. Эти романы впервые появились при мне, и я помню, как, читая их, мы прямо-таки падали от хохота, как после «Двенадцати стульев» с нетерпением ждали появления «Золотого тельника» в журнале «30 дней». Сегодня, перечитывая, мы просто улыбаемся: люди моего поколения помнят их чуть ли не наизусть. Нет, дело в другом: романы о Бендере, опубликованные — один в 1928 году, второй — в 1931-м, неожиданно оказались злободневными в 1997-м.

«Я прочел всего энциклопедического словаря»

Вспомним хотя бы, в чем главное разногласие Бендера с советской властью. Они, говорит Остап, хотят строить социализм, а я не хочу. Сегодня большинство народа нашей страны тоже расхотело строить социализм. Пусть «Антилупу-гну» сменили «Мерседесы», но дураки, никудышные дороги остались. Конечно, Мавроди куда изощреннее какого-нибудь Польшаева,

начальника «Геркулеса», но суть-то та же, паразитарная.

Не будем делать из плута героя нашего времени. Конечно, перед нами плутовские романы со всеми положенными для этого жанра аксессуарами. Но «Двенадцать стульев», а тем более «Золотой тельнок» написаны репризно, и многие из этих реприз порой кажутся вполне современными, хотя со времени их написания прошло шестьдесят шесть лет.

А сочинили их совсем молодые люди — Илья Арнольдович Ильфу было 30—32 года, Евгению Петровичу Петрову и того меньше — 25—27.

Какой же я старый, если видел их, как говорится, живьем! А 15 октября нынешнего года — столетие И. А. Ильфа.

Именно о нем я и хочу написать. Но сделаю это чуть позже, потому что сперва надо опровергнуть нелепое обвинение в адрес обоих авторов, тем более что оно не умолкает. В последнем номере, 40-м, газеты «Московские новости» критик М. Золотоносов повторяет давным-давно — и, по-моему, ошибочно — сказанное покойным Аркадием Белинским: Ильф и Петров «разделались» с

воя? Так-так. В общем, скажите, из какого класса гимназии вас вытурили за неуспешность? Из шестого?

— Из пятого, — ответил Лоханкин.

— Золотой класс. Значит, до физики Краевича вы не дошли? И с тех пор вели исключительно интеллектуальный образ жизни?..»

В общем, Золотоносов и др. по крайней мере невнимательно прочли книгу.

О чем гудел «Гудок»

Но я хотел рассказать об Илье Арнольдовиче Ильфе...

Он был старше своего соавтора на шесть лет. И раньше стал писать, даже возглавлял одесский юмористический журнал под забавным названием «Синдетикон» (был такой клей в тюбиках, помню по собственному детству). Статьи, фельетоны, даже театральные рецензии... Пока не встретился с Евгением Петровичем Петровым (младший брат Валентина Катаева — намного как человек порядочнее старшего).

Их объединил «Гудок». Была и есть такая ведомственная газета железнодорожников,

Вообще о «Записных книжках» Ильи Арнольдовича Ильфа надо бы поговорить отдельно и много. Увы, у меня нет их под рукой; помоему, их никогда не печатали полностью, а в эпоху гласности не перепечатывали. Хорошо бы тут ошибиться! Но и при сегодняшнем «информационном буме», а может быть, при нем особенно, актуальны тихие строчки Ильфа (привожу их по памяти): «В детстве мне говорили: будет радио, будет и счастье. Вот я состарился: радио есть, а счастья нет».

В этой посмертной книге перемежаются сатира и грусть. Злая сатира и глубочайшая грусть. Но только очень нежной души человек мог написать такое (на этот раз цитирую точно): «Я тоже хочу сидеть на мокрых садовых скамейках и вырезать перочинным ножом сердца, пробитые аэропланскими стрелами. На скамейках, где грустные девушки дожидаются счастья...»

Шутить можно даже молча

Много лет назад, году в 33-м или 34-м, я увидел афишу «Вечер сатиры и юмора. Михаил Зощенко, Виктор Ардов, Илья Ильф и Евгений Петров». В кассе концертного зала МГУ на Моховой я взял один из оставшихся билетов.

Е. Петров читал главу из «Золотого тельника» — «Международный шахматный конгресс». Читал превосходно, но меня поразил его одесский акцент. Я бы не удивился, если бы так читал Бабель. Я впервые слышал эти твердые шипящие и «э» оборотное, где надо бы «е», — в Одессе я тогда еще не бывал.

Заливисто хохотал Ардов, просто закатывался, вздернув острую угольно-черную бородку, демонстрируя все тридцать два зуба, сверкающих в яркочерных губах. Изредка, словно бы нехотя улыбался Зощенко. Ильф молчал. Я только приметил, что на нем хороший серый костюм.

Потом стал читать Зощенко. И мне пришлось удивиться снова: он произносил слова тихо и предельно серьезно. Зал помирал от смеха, а он ни разу не улыбнулся, иногда только недоуменно пожимал плечами. Ильф молча посверкивал глазами.

Не помню, что именно читал Виктор Ефимович Ардов и снова хохотал уже над собственными строчками и фразами. Посмеивался Петров, опять смущенно улыбался Зощенко. Ильф и тут молчал. Его молчание было явно ироническим. Я не знаю, как он сумел, не произнеся ни слова, почти не шевельясь, активно воспринимать все происходящее — даже электрические блики в его больших очках сверкали иронией. Так до самого конца Илья Арнольдович и промолчал, участвуя...

Содружество Ильф — Петров было таким, что даже, когда они писали врозь (в «Одноэтажной Америке» 20 глав написаны Ильфом, 20 — Петровым), различить кто где было невозможно. Они бы и этот последний свой роман писали вместе, но однажды в американской глубинке Илья Арнольдович закашлялся и показал Петрову красное пятно на платке...

Кстати, они были друг с другом всю жизнь на «вы».

В одном из воспоминаний я прочел о них (привожу по памяти): «Илья Ильф и Евгений Петров были едины, как воздух. В этом соединении Петров играл роль азота: одним кислородом дышать нельзя — он сжигает».

● Марк СОБОЛЬ

